

Накануне 25-летия театра им. Шевченко

Ф. И. РАДЧУК

Двадцать четыре года жизни служившего артиста республики Федора Ивановича Радчука связаны с Харьковским театром имени Шевченко. Рост, возмужание, зрелость артиста отражают путь театра. Радчук принадлежит к той группе шевченковцев, которая активно боролась с чужими и враждебными советскому искусству явлениями—формалистическими, эстетскими выкрутасами, имевшими место в первые годы существования театра. Сыгранные такими артистами, как Крушельницкий, Бучма, Сердюк, Радчук, роли противоречили общей порочной концепции спектаклей, спорили с ней. Поэтому они каждый раз звучали как своеобразные публицистические выступления, прокладывали путь к становлению нового, подлинно шевченковского стиля.

Как раз в борьбе за торжество реалистических принципов театра и начал формироваться индивидуальный актерский стиль Радчука.

В противовес формальным изощрениям—острая, предельно отточенная и в то же время строгая, четкая, даже скупая характерность. В ответ на произвольные, ничем не оправданные домыслы (а чаще—вымыслы) общей режиссерской трактовки пьес—глубоко продуманный, взвешенный от начала и до конца, последовательный психологический рисунок каждой роли.

Итак, острая, четкая характерность—эмоциональная окраска образа и, с другой стороны, мысль артиста, законченность идейного замысла и смысла роли, ее своеобразный, иногда, на первый взгляд неожиданный «поворот». Такое и только такое сочетание родило все наиболее ценное в галлерее созданных Ф. И. Радчуком образов.

Образ войскового писателя Лизогуба в пьесе А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий» отнюдь не относится к удачам драматурга. На фоне сильных, патетических, оригинально решенных героических фигур «Богдана Хмельницкого» Лизогуб выглядит героем мелодраматическим.

Радчук пошел своим, оригинальным путем. Он задался целью показать не патологически преступную натуру, не негодя, так сказать, по рождению и призванию, а преступный, общественно-опасный ум, сознательного, знающего цену и имя себе и своим поступкам врага.

Монолог с гетманской булавой—самое мелодраматическое место роли—прозвучало у Радчука как вершина реалистически-трагедийного решения образа. «Холодна ты... как смерть—холодна». Эти слова Лизогуб—Радчук произносит удивительно спокойно, просто, как бы размышляя. Ни тени эффектной интонации, никакой позы. Неумолимая, жесткая констатация факта. Борьба за власть—борьба не на жизнь, а на смерть, чужих жизней Лизогуб в этой борьбе не пожалеет. И следующая фраза—«Сильные держали

тебя руки, да ума нехватало им»,—также произнесенная без всякого внешнего темперамента, как утверждение, как вывод, логически завершает актерское толкование роли.

Так характерность создаваемого Радчуком образа подчинена, сочетается с его общей направленностью, с его мыслью.

Такое понимание характерного в образе, такой подход к материалу роли помогает Радчуку выходить победителем из самых ответственных и трудных испытаний.

Одним из них была роль старика Михеева в пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда». Жизненная, политическая правда диктовала, подсказывала, сколь большим должен быть удельный вес этого образа в спектакле. Ведь Михеев—единственный, в сущности говоря, представитель рабочих, рядовых солдат фронта труда в пьесе.

Радчук (хотя и на этот раз в его распоряжении был далеко не безупречный литературный материал) сумел найти убедительную и правильную мысль, идею образа. Его Михеев—государственный человек, хозяин. Хозяин в своей работе над усовершенствованием станка, хозяин своего завода, хозяин судеб своей страны. Он это знает, и этим он по своему горд. Новое, социалистическое отношение к работе и людям увидел Радчук в характере этого старого русского пролетария, ставшего советским рабочим. Собирает Михеев—Радчук из обломков детали новой машины или приглашает парт. орга Орлова переселиться из заводского барака к себе на квартиру—это большой человек, деятель, хозяин наводит порядок в собственном доме.

И, как всегда у Радчука, артист подобрал немногочисленные, скупые

и, может быть, именно поэтому особенно впечатляющие черты внешнего облика, поведения, манеры говорить и держаться для своего Михеева. Не суетливый в стремлении во что бы то ни стало «отличиться» штатный актирист, а сосредоточенный, требовательный, непримиримый рабочий-гражданин.

Не похожи друг на друга созданные Ф. И. Радчуком характеры. Размах его творческих возможностей и данных очень широк. Но есть нечто общее во впечатлении, которое оставляет каждая новая его работа. Сыграно талантливо? Да, несомненно. Сыграно мастерски? Да. Но всегда и прежде всего сыграно умно.

..Радчук—Кюморис («Загибель ес. кадри»). Мичман музицирует, напевает. Изящество, воспитанность, утонченность. Вертинский—«Три юных пажа», «Лилловый негр вам подает мантию»...

За этой бравадой—опустошенность, ничтожество, страх перед революцией.

...«Ходячая балалайка» Керенский («Правда» А. Корнейчука). Вместо традиционной в данном случае истерики—характерная поза: одна рука—на груди, другая—сзади. И манера говорить—глядя куда-то сквозь собеседников, слушая только самого себя. Этого достаточно, чтобы донести главное в Керенском Радчука—это калиф на час, который упирается иллюзией власти. А в другой своей работе—образе Звонцова («Его Булычоз и другие» М. Горького) Радчук столь же ярко показывает среду, которая поддерживала и выдвигала керенских.

...Неизменная улыбка, открывающая ряд белоснежных зубов, улыбки, прищуренные от удовольствия глазки. Такому—всегда хорошо. Такому—доволен жизнью. Во всех превратностях судьбы он находит удовольствие и благополучие. Подобно Олегу Баяну из «Клоа» Маяковского, Долгоносик, показанный Радчуком («В степях Украины» А. Корнейчука) будет жить и процветать там, где еще водятся доверчивые Галушки.

...Как жить, если не знаешь, где настоящая правда, где справедливость? Русский человек не может существовать без правды. За ней пройдешь хоть тысячу и тысячу верст. Котомку—за плечи, шапку на голову—я готов в дорогу. И Фрол Баев («Земля» Н. Вирта), которого не смог окончательно убедить ни большевик Листрат, ни эсер Антонов, идет к самому Ленину. Пристальный, ищущий взгляд. Он должен все проверить сам. Ему—нельзя без правды...

Через детали, через острую характерность к широкому обобщению, к общей идее образа—в этом видим мы особенность творческого метода Ф. И. Радчука.

Л. ЖАДАНОВ,
Б. МИЛЯВСКИЙ.